

В. П. Козлов¹

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА

В 2016 году счастливо встретятся три юбилея, связанные с именем Н. М. Карамзина, творчество которого привлекало пристальное внимание Д. С. Лихачева. Это 250 лет со дня рождения писателя, поэта, публициста и историка, 215 лет со дня начала издания его «Писем русского путешественника» и 200 лет со времени опубликования первых шести томов «Истории государства Российского» — первой национальной истории России, к сожалению, оставшей-

ся незавершенной. Эти два произведения Карамзина не просто важнейшие вехи его творчества. «Письма» открыли для россиян Европу — ее культуру, нравы в момент критического излома европейской истории. «История» открыла для европейцев далекое и недавнее прошлое России — страны, народ которой победой над Наполеоном решительно изменил политическую ситуацию в Европе. Эти обстоятельства дают нам возможность обратиться к размышлениям Карамзина — писателя и историка — о судьбах России, сегодня в очередной раз переживающей рубежный период своей истории.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук. Автор свыше 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Колумбы российских древностей», «Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»», «История государства Российского Н. М. Карамзина в оценках современников», «Тайны фальсификации», «Российская археография XVIII — начала XIX вв.», «Российское архивное дело», «Обманутая, но торжествующая Клио», «Основы теоретической и прикладной археографии». Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

Нет нужды доказывать, что Карамзин — глубоко национальный писатель и историк. Тысячами нитей его литературное и историографическое творчество, публицистика связаны с Россией, где он сформировался как человек и мыслитель, где провел самые плодотворные годы жизни, лишь в конце которой,

потрясенный декабрьскими и январскими событиями 1825—1826 годов, ничуть не усомнившийся в своих политических взглядах и нравственных убеждениях, но словно уставший от болезней не столько своих, сколько своей родины, решил посмотреть на ее новейшую историю, как когда-то в юности, со стороны — с солнечных берегов Средиземноморья. Автор статьи «О любви к Отечеству и народной гордости» — своего рода политического и нравственного манифеста Гражданина Отечества, захотел стать «эмигрантом» — факт, отразивший зарождавшееся явление в исторических судьбах российской интеллигенции.

Вместе с тем Карамзин для соотечественников — современников и их потомков — выступал и выступает как носитель общеевропейской культуры. Уже в юности познакомившись с идеями европейского Просвещения, в зрелом возрасте он легко и естественно вошел в интеллектуальную элиту России, прочно удерживая в представлении современников авторитет европейски образованного мыслителя.

В таком восприятии Карамзина нет противоречий. Россиянам он мог казаться «европейцем», оставаясь глубоко национальным писателем, историком, мыслителем. Для европейского читателя он выступал, безусловно, представителем российской интеллигенции, впитавшим многое из достижений европейской культуры, свободно ориентирующимся в ее прошлом и настоящем.

«История» едва ли не сразу после выхода в свет была переведена на польский, французский, немецкий, английский, итальянский языки — событие в то время уникальное для российской словесности. С этого момента началось не только познание россиянами своего прошлого (исторические сочинения В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Екатерины II и других авторов из-за устаревшего языка привлекали внимание лишь специалистов), но и знакомство с российской историей европейских читателей. Можно сказать, что Карамзин выполнил свой гражданский и человеческий долг, в высокохудожественной форме и на уровне современной ему историко-критической мысли рассказав об исторических судьбах народов и государства, раскинувшегося на одной седьмой части планеты.

Эта общекультурная роль Карамзина-историка, безусловно, заслуживает самостоятельного изучения. Отметив ее, мы в настоящей статье попытаемся рассмотреть те элементы, черты национального мышления, которые Карамзин вольно или невольно отразил в своей исторической концепции и которые, на наш взгляд, не являются только принадлежностью россиян той эпохи, когда гремели победы Суворова, Каменских, Румянцева-Задунайского, Кутузова, когда сама Россия казалась европейцам далеким, но опасным и сильным в своем неумолимом движении к могуществу соседом.

В извечно характерном для россиян споре: «Что есть Россия?», в котором почему-то всегда искали и ищут ответы на причины российских свершений и особенно бед, Карамзин принадлежал к той партии, которая еще в XVIII веке, после петровских преобразований, отказываясь от византийско-

го цинично-смирного целомудрия, заявляла, что «Россия есть Европа». Для Карамзина такое признание означало не только констатацию реальности, которую, конечно, можно было оспаривать. Для него ответ на вопрос: «Что есть Россия?» значил куда больше. Он помогал постижению современной историку цивилизации. Уже ко времени начала работы над «Историей» Карамзин расстался со своими ранними колебаниями между двумя концепциями прошлого человечества. Он окончательно принял ту, которая восходила к Вольтеру, Кондорсе и Гердеру. Она, как известно, постулировала идею непрерывности человеческого прогресса, историческое движение в ней выступало движением к будущему, более совершенному состоянию человечества. Отсюда следовали оптимистические надежды на единство развития человечества от невежества к братству просвещенных народов. Не случайно после победы над Наполеоном Карамзин написал пространное стихотворение «Освобождение Европы и слава Александра I», в котором провозгласил: «Народы — братья! Злобы нет». Здесь же историк очертил и свои представления о настоящем и будущем месте России в развитии цивилизации. В победе россиян над Наполеоном он видит знаменательную силу Провидения (идея провиденциализма, заимствованная историком у Боссюэ), избравшего российский народ не только для наказания узурпатора, но и в качестве соучастника, едва ли не преемника европейских народов в создании современной цивилизации.

Но обращение к народу как к «знаку», «единице» истории неизбежно ставило вопрос о «народности», «национальности» и их роли в общечеловеческом прогрессе. «Сходствуя с другими европейскими народами, — говорил Карамзин в 1818 году, — разствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так, что хотя и не можем иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во множестве открывается народное».

Сочетание идеи прогресса с представлениями о ценности «народного» — традиций и обычаев в первую очередь — составляло немалую трудность, и потому Карамзин для ее преодоления выдвинул идею универсальности культуры. «Путь образования и просвещения, — писал он, — один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так от них надлежало заимствовать...»

Эти общие методологические позиции Карамзин попытался приложить к своей концепции исторического пути России для установления общеевропейских и национальных явлений в ее истории. Позволим себе здесь кратко охарактеризовать основные представления Карамзина о процессе исторического развития европейских государств и народов и место в этом процессе России.

Российское государство, по Карамзину, вошло в «общую систему» государств, возникших «на развалинах владычества римского». И в первый век своего существования (конец IX — конец X в.) «Европейская Россия была уже не менее нынешней, то есть во сто лет она достигла от колыбели до величия редкого», являлась «самым образованным государством»,

обещая еще большее величие и могущество. В то время, когда Европа, пишет Карамзин, стала театром поместного или феодального тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, суеверия, рабства и невежества, Россия «не уступала в силе и гражданском образовании первейшим европейским державам... имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные», испытывая благотворное воздействие Греции, единственной не уничтоженной варварами древней державы.

Однако уже во второй половине XI века, согласно Карамзину, все изменилось. В то время как в Европе благодаря Крестовым походам укреплялась государственная власть, оживлялась торговля, просвещение, в России расцвела удельная система германских народов. Она орошала кровью и слезами бывшую могущественную державу и привела к тому, что уже в XIII веке Россия «отстала от держав западных в государственном образовании».

Следствием раздробленности стало ордынское иго. Оно исключило Россию из системы европейских государств. В то время как последние продолжали двигаться по пути прогресса, смягчая нравы, развивая науки и искусства, Россия была вынуждена напрягать все силы, чтобы не исчезнуть. Находясь около трех веков вне круга европейской политики, Россия погружалась в невежество. Ордынское иго, пишет Карамзин, нравственно унизило россиян, научив их «низким хитростям рабства». Нравственно униженный народный дух, заключает он, не способен на великое дело, следствием его является равнодушие, безмолвие народа, «злое семя в народе». Это первое в русской истории «нравственное унижение» народа Карамзин ставит в прямую связь со вторым — 24-летней тиранией Ивана Грозного, а от него тянет нить причинно-следственной связи к третьему «нравственному унижению», как следствие тирании случившемуся во времена Смуты в начале XVII века. И все же, считает Карамзин, отстав от Европы, Россия вышла из-под ордынского ига «более с европейским, нежели азиатским характером». Европа с трудом узнавала восточного соседа, но не потому, что для нее он оказался совсем непонятным, а потому, что она сама изменилась, а Россия оставалась такой, какой она была триста лет назад. Благодаря политике московских князей, последовательно и успешно укреплявших самодержавие, между Европой и Азией постепенно возрождалось государство, представлявшее собой «смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу, и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами». Эта смесь и составляет, по Карамзину, «народную собственность» россиян.

Истинным творцом возрождения России Карамзин называет Ивана III, при котором страна оказалась вновь включенной в общую систему европейских государств. После него пошел естественный процесс сближения России и Европы: «без порывов и насилия», как бы «нехотя» россияне заимствовали все то, что отвечало их пользе.

Петровские преобразования, по Карамзину, окончательно сделали Россию европейской страной. Воздавая ему за это должное, историк тем не менее решительно осуждает первого русского императора за то, что тот одновременно уничтожил «древний народный дух» россиян, составляющий нравственное могущество любого государства. Это было, по Карамзину, четвертым «нравственным унижением» его народа, сулящим опасность для его будущего, поскольку эрозии оказалась подвергнута одна из важнейших народных добродетелей — добродетель.

Итак, согласно Карамзину, Россия не только является, но и почти всегда оставалась европейским государством. Обладая собственной «народной физиогномией», россияне, несмотря на невзгоды, естественно шли вместе с другими европейскими народами по пути прогресса. Петр I дал еще больший импульс этому движению, но уничтожил многое в народном духе россиян. Осуждая его за это, Карамзин тем не менее понимает, что свершившееся изменить невозможно. «Жалобы бесполезны», — констатировал он, Россия должна продвигаться по пути, заданному ей Петром.

Однако ум просвещенного человека и знания историка, которому были известны судьбы прошлых империй, неизбежно заставляли Карамзина проецировать эти судьбы на настоящее и будущее своей страны. И чтобы сделать эту проекцию не пессимистической, а оптимистической, он обнаруживает первое принципиальное отличие исторического пути России от истории других народов и государств. Он убеждает в том, что Российская империя создавалась «без насилия, без злодейства, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего». Карамзину казалось, что, постулируя тезис о «мирном» процессе создания Российской империи, он разрешил проблему, рано или поздно встававшую перед каждой империей. Российское государство ему представлялось органическим соединением разных народов, судьба которых исторически предопределялась тысячелетним прошлым. Эту своеобычность России историк пытался подкрепить просветительским постулатом о верховенстве человеческих интересов над державными. «Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земном шаре, — писал он, — чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, чрез несколько веков обширною своею могилою служила вместо подножия новой державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! И жизнь наша, и жизнь империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой, здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертно в их успехе! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением. Возвеличенная, утвержденная победами, да сияет Россия всеми блестящими дарами ума бессмертного; да умножает богатства наук и словесности; да слава России будет славою человечества...»

После объявления «мирного» характера создания империи Карамзину уже не составляло трудно-

стей называть все народы, составившие эту империю, россиянами, которые имели если не единого бога, то единого его наместника на земле — самодержца, и в связи с этим попытаться очертить еще одно принципиальное отличие российской истории от западноевропейской. Принимая за данность пределы России, Карамзин в соответствии с «Духом законов» Монтескье и его российского варианта в виде «Наказа» Екатерины II Уложенной комиссии объявляет о необходимости для российского государства монархической, точнее, самодержавной, формы правления. Для России, считает он, важно самодержавие как самовластие, то есть неограниченная власть одного человека, пусть даже и не наследственная. «Россия не Англия, — писал он в 1818 году П. А. Вяземскому, — и даже не Царство Польское; имеет свою государственную судьбу, великую, уважительную... Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима».

В понимании историка самодержавная власть — это не тирания, порождающая рабство одних и произвол других, а просвещенная, стоящая над всеми политическими силами власть, карающая, милующая во имя государственного блага, выступающая равнодействующей всех интересов, существующих в обществе на разных стадиях его пути к прогрессу. Убежденный в правильности своей политической идеи самодержавия как естественной организации российской государственности, идеи, обращенной прежде всего в настоящее и будущее России, Карамзин прилагает ее и к прошлому страны. Уже начало российской истории, пишет он, представляет удивительный и беспримечательный в мировой истории случай, когда славяне добровольно отказались от древнего народного правления в пользу самодержавия. Этим как бы предопределялась вся последующая российская государственность, окончательно оформившаяся, по Карамзину, в XV веке. «Два государя, — пишет он, — Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимой принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственной основой ее целостности, силы, благоденствия».

В системе функционирования российского самодержавия Карамзин важнейшее место отводил его взаимодействию с народом как одной из предопределяющих государственные судьбы политических сил. В соответствии со своими общими мировоззренческими представлениями историк старательно пытается выявить те черты «народности», которые отличают его соотечественников от европейцев. На одни отличия, например в уровне культуры, он смотрит с оптимизмом, не сомневаясь в их преодолении, другие объявляет извечными, возводит в ранг не про-

сто «национального», но политической добродетели. В числе последних важнейшую роль Карамзин отводит терпимости россиян. Называя эту добродетель «явлением достопамятным и даже удивительным», историк склонен объяснить ее и недостаточным просвещением россиян, и исконной набожностью, и веротерпимостью. Согласно Карамзину, российская терпимость — это не только послушание и смирение, но и некая своеобразная линия «обратной связи» народа с действующей во имя общегосударственных интересов властью.

В эту же систему функционирования российского самодержавия Карамзин попытался органически включить и церковь, разумеется, православленную в первую очередь. Церковь в России, по Карамзину, никогда не стремилась подчинить светскую власть, действовала в русле княжеской и царской политики и, «не изменяясь в своем первобытном характере», смягчала нравы, гасила страсти, воспитывала добродетели. «В западных странах европейских, — писал историк, — духовная власть присвоила себе мирскую от того, что имела дело с народами полудикими... которые... приняв христианство, долго не умели согласить одного со своими гражданскими законами, ни утвердить естественных границ между сими двумя властями, а греческая церковь воссияла в державе благоустроенной, и духовенство не могло столь легко захватить чуждых ему прав».

Сегодня, с высоты современных знаний о прошлом России, можно легко подметить, в чем ошибался Карамзин, характеризуя отличия российской истории от западноевропейской. Не было ни исключительного в анналах мировой истории мирного призвания варягов, ни «мирного» включения народов в состав империи. Как политическая организация, российское самодержавие выступало издревле носителем авторитета не столько власти, сколько силы, не столько закона, сколько страха. Идея патриархальной «отеческой» власти государства в лице самодержавия вряд ли могла сколько-нибудь серьезно противостоять и тому бюрократическому деспотизму, который, привитый на русской почве Петровскими реформами, дал метастазы чисто российского бюрократизма, поразительно живучего, несмотря на неоднократные хирургические вмешательства.

Карамзин творил исторический миф о России. Но как творец такого мифа он сам — представитель российской интеллигенции рубежа двух веков — историческая реальность, отразившая в своем творчестве представления определенной части российского общества о прошлом России и Европы. И после Карамзина элементы этого мифа, сотворенного им, не были сложены в старинный сундук российской бабушки.